

№№ 38-39

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

К. ВЕДЕРМАЙЕРЪ

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода . . . . . 3 » 50 »
 На три мѣсяца . . . . 2 » — »

Редакція: Малая Подъячская, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Благодѣтели человечества. С. Вос-
 кресенской. — II. Ангель и Пери. В. Жуковского. —
 IV. Исправительныя тюрьмы. Т. Пассекъ. — IV. Бѣлый
 воть. Н. Кувшинникова. — V. Царевна-лягушка. (На-
 родная сказка). А. Лукьяновскаго.

БЛАГОДѢТЕЛИ ЧЕ-
ЛОВѢЧЕСТВА.

Елизавета Фрей.

РИСТОСЪ сказалъ: „кто изъ васъ, имѣя сто овецъ
 и потерявъ одну изъ нихъ, не оставитъ девяносто
 девяти въ пустынь и не пойдетъ за пропавшею,
 пока не найдетъ ея?

„А нашедши, возьметъ ее на плечи свои съ радостью;
 „И пришедши домой, соберетъ друзей и сосѣдей и ска-

жетъ имъ: порадуйтесь со мною; я нашелъ свою пропавшую овцу.

„Сказываю вамъ, что такъ на небесахъ болѣе радости будетъ объ одномъ грѣшникѣ кающимся, нежели о девяти праведникахъ, не имѣющимъ нужды въ покаяніи“... *).

Если такова радость въ небесахъ при пробужденіи одной грѣшной души, сознающей свою виновность, то не достойны ли благоговѣйнаго уваженія тѣ люди, которыя протягиваютъ руку помощи павшему, съ сердечнымъ желаніемъ смягчить и направить къ добру его душу?

Между тѣми немногими лицами, которые всецѣло посвятили себя этой истинно евангельской дѣятельности, горитъ яркою звѣздой имя Елизаветы Фрей.

Въ настоящее время многое уже сдѣлано для улучшенія пенитенціарной **) системы въ различныхъ государствахъ. Прошла та пора, когда благодаря дикости нравовъ, люди какъ бы находили удовольствіе въ томъ, чтобы повергать еще въ болѣе гибельную жизнь несчастныхъ, уже виновныхъ въ преступленіи. Въ наше время законодательства стараются не только налагать справедливо заслуженную кару на преступниковъ, но и пекутся о ихъ нравственномъ возрожденіи. Съ такою цѣлью учреждаются при мѣстахъ заключенія мастерскія и школы и устраиваются поучительныя чтенія и бесѣды.

Хотя, вслѣдствіе разныхъ условій и самой испорченности заключенныхъ, всѣ этѣ прекрасныя мѣры не всегда бываютъ успѣшны, тѣмъ не менѣе многое уже сдѣлано, такъ что нельзя и сравнивать нынѣшнихъ мѣстъ заключенія съ тѣмъ, чѣмъ они были за нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Эти усовершенствованія были начаты лицами, посвятившими себя на служеніе человѣчеству и неутомимо дѣйствовавшими

*) Еванг. отъ Луки. Глава 15, 3—7.

**) Система наказаній. Въ настоящее время всѣ правительства болѣе или менѣе стремятся къ тому, чтобы заключеніе вліяло исправительнымъ образомъ на преступниковъ.

въ пользу лучшей матеріальной и нравственной обстановки людей порочныхъ, но еще способныхъ возвратиться на истинный путь. Между этими достойными сподвижниками великаго учителя одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ принадлежитъ скромной женщинѣ—Елизаветѣ Фрей.

Елизавета Горней, дочь богатаго нордфолькскаго землевладѣльца, родилась 21 мая 1780 г., въ Норвичѣ, но родители ея вскорѣ переѣхали неподалеку отъ города въ свое живописное владѣніе, прелестное мѣстоположеніе котораго сильно повліяло на впечатлительную душу дѣвочки.

Домъ Джона Горнея былъ старинной архитектуры, со многими неправильными, оригинальными пристройками, и стоялъ среди роскошнаго парка, окаймленнаго извилистою рѣкой. Всѣ дѣти, въ томъ числѣ и маленькая Елизавета, особенно любили южную часть этого парка, гдѣ находился обширный цвѣтущій лугъ, осыненный высокими густыми деревьями—это было превосходное мѣсто для учебныхъ занятій и игръ.

Съ самаго ранняго дѣтства Елизавета обнаруживала необыкновенную любознательность. Мать ея, умная высокообразованная женщина, нѣжно и осторожно направляла рѣдкія способности дочери на правильную дорогу. Дѣвочка вознаграждала заботы матери страстной привязанностью и была до того ей послушна и кротка, что мать называла ее кротою голубкою; несмотря на это, многіе находили ее своею нравною.

На двѣнадцатомъ году своей жизни дѣвочка лишилась своей руководительницы. Утрата эта поразила ее такъ глубоко, что она долго удалялась всѣхъ и даже среди родной семьи, состоявшей изъ одиннадцати братьевъ и сестеръ, чувствовала себя одинокою. Отецъ ея, человѣкъ занятый свѣтскими отношеніями и дѣлами, не могъ заниматься ея воспитаніемъ. Но горе не ожесточило дѣвочку, а заставило ее только болѣе сосредоточиться въ себѣ и обратить вниманіе на такіе вопросы, которые обыкновенно еще чужды дѣтямъ ея воз-

роста. Когда же Елизавета вступила въ юношество, то стала увлекаться свойственными этимъ лѣтамъ стремленіями. Ей нравилось все прекрасное, все блестящее. Она любила общество, наряды, особенно музыку, танцы, и верховую ѣзду, и была одарена замѣчательнымъ голосомъ. Объ ней говорили, какъ объ удивительной красавицѣ и неустрашимѣйшей наѣздицѣ. Пѣла и танцевала она обворожительно; но похвалы, роскошь, свѣтскіе успѣхи не заглушали въ ней того голоса, который призывалъ ее къ нравственному совершенствованію.

По обычаю того времени, она вела свой дневникъ. Въ 1797 г., мая 21 дня, она занесла въ него слѣдующія строки: „сегодня мнѣ исполнилось 17 лѣтъ. Счастливы ли я и лучше ли, чѣмъ была двѣнадцать мѣсяцевъ тому назадъ?..

Чувствую, что стала счастливѣе; смѣю надѣяться, что стала и лучше; но, вступая теперь въ новый годъ моей жизни, я хочу употребить его на мое обновленіе, то есть, хочу расширить свои познанія и привести въ порядокъ то, что находится еще въ какомъ-то хаотическомъ состояніи въ моемъ сердцѣ и умѣ... „Въ это время ее тревожили разныя мысли и сомнѣнія; болѣе чѣмъ когда нибудь она оплакивала потерю матери, и сравнивала себя съ кораблемъ безъ руля, отданнымъ на произволъ волнъ. Разъ какъ-то пришлось ей услышать проповѣдь Уильяма Савери, американскаго квакера; слова его какъ бы лучомъ свѣта озарили ея душу. Возвратясь съ проповѣди, она записала въ своимъ дневникѣ: „Сегодня я познала существованіе Бога, я почувствовала его“.

Съ этого дня Елизавета сблизилась тѣснѣе съ квакерской сектой, къ которой принадлежалъ и отецъ ея; она стала носить постоянно простое сѣрое платье и высокую бѣлую головную повязку, принятую квакершами; говорила „ты“ всѣмъ, знатнымъ и простымъ, богатымъ и бѣднымъ, старымъ и малымъ, и посвятила себя, уходу за больными и обученію бѣдныхъ дѣтей. Вскорѣ она явилась во главѣ школы, въ которой было 40 учениковъ, и исполняла свои обязанности съ изумительнымъ терпѣніемъ и твердостію воли.

Дѣти боготворили ее, она покоряла однимъ словомъ самыхъ одичалыхъ и своенравныхъ изъ нихъ.

Богатый лондонскій негоціантъ, Джозефъ Фрей, также принадлежавшій къ сектѣ квакеровъ или „Друзей“, какъ они любили называть себя, посватался за Елизавету, которой было въ то время двадцать лѣтъ. Елизавета видѣла въ мистерѣ Фрей достойнаго помощника, посылаемаго ей Провидѣніемъ для выполненія тѣхъ задачъ, которыми она задавалась въ будущемъ. Выйдя замужъ, она сдѣлалась примѣрной женою и матерью, но среди своихъ новыхъ обязанностей не забывала, даннаго обѣта успокоивать, по мѣрѣ силъ своихъ, всѣхъ труждающихся и обремененныхъ. Однажды, гуляя по близости моста черезъ Темзу, она замѣтила молодую дѣвушку, которая торопливо шла къ рѣкѣ. Что-то особенное въ выраженіи ея лица бросилось въ глаза. Елизаветѣ. Повинуясь душевному влеченію, она обогнала дѣвушку, остановила ее и спросила привѣтливо, но серьезно: „Ты смущена и разстроена чѣмъ-то, дитя мое?“ Услышавъ слово участія и увидя взглядъ, какъ бы проникавшій въ самую глубину души, несчастная залилась слезами и призналась, что вслѣдствіе разныхъ невзгодъ, она рѣшилась покончить съ собою въ рѣкѣ... Елизавета взяла ее за руку, привела къ себѣ домой, выслушала ея печальную повѣсть и, обладая особеннымъ даромъ говорить съ несчастными и внушать имъ довѣріе, успѣла ее спасти.

Не вступая еще вполне на тотъ путь, который прославилъ ее впослѣдствіи, Елизавета Фрей сдѣлалась извѣстною, какъ отличная проповѣдница. Вначалѣ многіе находили не совмѣстнымъ съ женской сдержанностью такое публичное поприще; но смиреніе молодой женщины, простота и скромность, при истинно вдохновенномъ толкованіи священныхъ истинъ, заставили преклониться передъ нею даже самыхъ ярыхъ ея противниковъ. Одинъ изъ нихъ пишетъ: „Я пришелъ съ предубѣжденіемъ, но скоро исполнился изумленія, а наконецъ почувствовалъ одно благоговѣніе... Эту женщину

можно назвать посланницей Бога..." Обыкновенно всѣ женщины, возвышающіяся своимъ умомъ надъ уровнемъ прочихъ, носятъ на себѣ отпечатокъ чего-то мужскаго, дѣйствующаго непріятно на постороннихъ, но Елизавета Фрей представляетъ образъ женственности въ самомъ возвышенномъ значеніи этого слова..."

Одинъ нѣмецкій принцъ, слышавшій ее въ Лондонѣ, передавалъ свое впечатлѣніе слѣдующими словами: „Прежде всего, у нея изумительно нѣжный и звучный голосъ, что составляетъ истинно божественный даръ для всякаго проповѣдника. Этотъ голосъ проникаетъ въ душу и никогда не изглаживается изъ памяти. Прибавьте къ тому же стройный станъ, самое миловидное лицо, движенія, полныя достоинства и вдохновенную рѣчь... Я считаю за счастье, что мнѣ удалось видѣть эту замѣчательную женщину, и не удивлюсь,—если, по ея мановенію, тысячи пойдутъ за нею. На ней лежитъ печать божеской избранницы“.

Обладая такимъ внѣшнимъ и нравственнымъ обаяніемъ, другая женщина прониклась бы тщеславіемъ до того, что, быть можетъ, употребила бы во зло свою чарующую силу; но Елизавета Фрей была далека отъ этого.

Она думала только помочь ближнему и просвѣщать духовно. Въ 1812 г., услышавъ о жалкомъ положеніи женщинъ, содержащихся въ ньюгэтской тюрьмѣ, она рѣшилась посѣтить это мѣсто заключенія. Передъ нею открылась, во всей страшной правдѣ своей, потрясающая картина: въ двухъ небольшихъ палатахъ и прилегавшихъ къ нимъ двухъ каморкахъ было скучено болѣе пятисотъ заключенныхъ. Онѣ были едва прикрыты грязными лохмотьями, черты лица ихъ искажены ожесточеннымъ отчаяніемъ. Этѣ несчастныя спорили, бранились, возставали противъ Бога и людей. Неожиданное появленіе молодой женщины произвело странное впечатлѣніе на эту толпу. Сначала всѣ смолкли изъ любопытства, потомъ изумились ея тихой, ласковой рѣчи.

Посѣтительница оставалась недолго; но когда она ушла,

раздавъ небольшіе подарки и обѣщая придти опять, самыя закоренѣлыя преступницы почувствовали что-то въ родѣ совѣсти и называли ее „небеснымъ видѣніемъ“.

Какъ въ это посѣщеніе, такъ и въ послѣдующія, болѣе продолжительныя, Елизавета Фрей не спрашивала заключенныхъ, не упрекала и не пыталась имъ душу, какъ онѣ выражались. Она была убѣждена, что въ каждомъ сердцѣ, даже самомъ испорченномъ, повидимому, остается божественная искра, способная разгорѣться въ живительный огонь, если на нее дѣйствовать съ терпѣніемъ и любовью. Такъ, посѣтивъ вторично ньюгѣтскую тюрьму, она просто открыла принесенное съ собою евангеліе и начала читать притчу о виноградаряхъ (евангеліе отъ Матѣ. глава 20); потомъ, закрывъ книгу, стала ласково пояснять, что работать, — слѣдовательно и работать надъ собою, — никогда не поздно, даже „и объ одиннадцатомъ часѣ“.

Ея слова дѣйствовали на слушательницъ особенно потому, что она умѣла трогать самую чувствительную струну въ сердцахъ, именно материнское чувство. Какъ ни оправдывала свои поступки каждая изъ нихъ, но не могла не желать, чтобы дѣти ея шли по иному пути. Стараясь развивать это чувство, Елизавета Фрей выхлопотала позволеніе открыть школу для малолѣтнихъ при ньюгѣтской тюрьмѣ и право заключеннымъ самимъ выбирать наставницъ для своихъ дѣтей.

Многія изъ содержавшихся грамотныхъ взялись охотно за дѣло преподаванія. Вскорѣ, при этой маленькой школѣ, открылась другая и для взрослыхъ, къ которой присоединилась еще мастерская.

Въ самое короткое время, тюрьма точно преобразилась. Само начальство не узнавало ея. Пьянство, перебранки, игра въ карты прекратились сами собою и замѣнились прилежаніемъ, порядкомъ, сдержаннымъ обращеніемъ. Преобразился и самъ внѣшній видъ заключенныхъ: онѣ стали держать себя опрятно, умывались, приглаживали свои волосы,

чинили платьѣ, чтобы не стыдиться при встрѣчѣ съ своей благодѣтельницей.

Привлекая къ своему дѣлу добрыхъ людей, Елизавета Фрей успѣла образовать цѣлое общество, члены котораго ставили себѣ въ обязанность посѣщать заключенныхъ, читать имъ полезныя книги и учить ихъ разнымъ работамъ. Несмотря на то, что учрежденіе школъ и мастерскихъ при ньюгэтской тюрьмѣ вызвало въ ней новыя, болѣе строгіе порядки, заключенныя подчинялись всѣмъ правиламъ и гораздо охотнѣе, чѣмъ того ожидало тюремное начальство. Одна женщина поясняла это очень просто: „Когда мы, говорила она, сидѣли безъ дѣла, то намъ было время придумывать и дѣлать дурное, а теперь некогда, другимъ заняты“.

Удивительныя успѣхи, полученные Елизаветой Фрей, побудили администрацію ньюгэтской тюрьмы официально признать ея заслуги, а общинный совѣтъ въ Лондонѣ постановилъ ввести ея систему во всѣхъ лондонскихъ мѣстахъ заключенія для женщинъ, предоставля притомъ самой Елизаветѣ Фрей полное право „сокращать или увеличивать сроки заключенія преступницъ по своему усмотрѣнію“.

Достойная женщина была тронута этимъ публичнымъ признаніемъ принесенной ею пользы, но еще болѣе доходила до ея сердца признательность самыхъ тѣхъ, для блага которыхъ она трудилась такъ неутомимо. Можно привести множество самыхъ трогательныхъ заявленій этой благодарности. Такъ, нѣкоторыя изъ женщинъ, сосланныхъ въ Австралію, писали оттуда своей благодѣтельницѣ, передавая ей подробности своей новой жизни, о заведенныхъ ими хозяйствахъ и пр. Одна женщина, которой посчастливилось хорошо устроиться, такъ что у нея былъ „и свой скотъ, и домашняя птица, и чай покупался цѣлыми ящиками“, прибавляла въ своемъ письмѣ, что, среди всего своего новаго благополучія, она продолжаетъ хранить, какъ святыню, то одѣяло, которымъ снабдила ее на дорогу мистрисъ Фрей,

проводившая ссыльных до самаго корабля. Елизавета Фрей дѣлала болѣе: она проводила до мѣста казни несчастныхъ, приговоренныхъ къ смерти, по англійскимъ законамъ, даже за сравнительно маловажныя преступленія, напр., за кражу. При послѣднемъ шагѣ, который отдѣляетъ человѣка отъ вѣчности, она поддерживала и ободряла осужденныхъ надеждою на милость Творца.

Находя вышесказанную кару слишкомъ строгою, несоизмѣрною съ преступленіями, за которыя она присуждалась, Елизавета Фрей много хлопотала передъ королевой и вліятельнѣйшими членами обѣихъ палатъ объ отмѣнѣ суроваго закона, но ея старанія остались безъ успѣха.

Тогда, чтобы по возможности искоренить попятное къ кражѣ, Елизавета стала заботиться объ основаніи чело-вѣколюбиваго общества, которое поставило бы себѣ задачей доставлять средства къ честному, хорошо вознаграждаемому труду лицамъ, вышедшимъ изъ тюрьмы. Она понимала, что часто, не одна порочная воля, но и нужда заставляетъ человѣка посягать на чужую собственность. Эта мысль Елизаветы Фрей встрѣтила большое сочувствіе, и въ Англии было основано нѣсколько обществъ съ вышеупомянутою благотворительною цѣлью, а по смерти той, по почину которой они возникли, благодарное отечество дало общее названіе „убѣжищъ Елизаветы Фрей“ всѣмъ домамъ призрѣнія для лицъ безъ пріюта и средствъ къ жизни по своемъ освобожденіи изъ тюремъ.

Слава о плодотворной дѣятельности „Утѣшительницы страждущихъ и павшихъ“ распространилась по всей Англии и за предѣлы ея. Частныя лица и правительства приглашали Елизавету Фрей для содѣйствія по улучшенію исправительныхъ заведеній. Въ 1827 г., она была въ Ирландіи, гдѣ, съ помощью мѣстной администраціи, основала нѣсколько тюремныхъ попечительствъ; потомъ прибыла, съ тою же цѣлью, въ Шотландію. И здѣсь, какъ и вездѣ, ея появленіе и рѣчи производили неотразимое впечатлѣніе. Когда она

посѣтила, между прочимъ, женское исправительное заведеніе въ Глазго, то самыя испорченныя изъ заключенныхъ, издѣвавшіяся надъ всѣми увѣщаніями, топтавшія въ грязь все святое, замолкли при ея первомъ обращеніи къ нимъ; нѣкоторыя даже прослезились. Очевидцы говорятъ, что особенно дѣйствовала на всѣхъ не одна рѣчь Елизаветы, но самая ея наружность, ея спокойныя, нѣжныя, но внушительныя движенія, преимущественно же ея взглядъ, ангельскій—кроткій и чистый, какъ бы читавшій въ душѣ cadaго.

„Женщины и матери, произнесла она, обращаясь къ заключеннымъ въ Глазго,—не правда ли, вы хотите исправиться и стать иными, лучшими?..“ Вслѣдъ за тѣмъ, прочла новыя правила, уже введенныя въ ньюгэтской тюрьмѣ и спросила опять: „Согласны ли вы подчиняться такимъ же новымъ порядкамъ?“ Всѣ женщины подняли разомъ свои правыя руки въ знакъ согласія. Особенно трогательна была сцена при чтеніи Евангелія. Елизавета выбрала притчу о блудномъ сынѣ *), какъ наиболѣе подходившую къ положенію преступницъ. Когда она, прочитавъ своимъ мягкимъ, звучнымъ голосомъ начало разсказа, дошла до словъ: „... и когда онъ былъ еще далеко, увидѣлъ его отецъ и сжалился ...“ многія изъ слушательницъ зарыдали, другія бросились на колѣни и припали лицомъ къ землѣ. Елизавета, сама тронутая до слезъ, опустила также на колѣни и стала громко молиться, призывая милосердіе Божіе на грѣшницъ, лежавшихъ во прахѣ передъ Верховнымъ Судіей... Эта молитва чистой души, приносящей къ престолу Господа слезы раскаянія павшихъ, не могла остаться неслышанной...

Елизавета Фрей посѣтила также Парижъ, Берлинъ и нѣкоторыя другія мѣста, ознаменовывая всюду свое появленіе благотворительными учрежденіями. Она пользовалась такимъ уваженіемъ, что самыя высокопоставленныя лица просили ея совѣтовъ и выслушивали ея замѣчанія. Всегда одѣ-

*) Еванг. отъ Луки, гл. 15.

тая въ свое скромное сѣрое платье, она одинаково охотно шла и къ богатому и къ бѣдному, къ знатному и къ убогому. И въ хижинахъ и во дворцахъ проповѣдывала одно: исполненіе завѣта Христа о любви къ ближнему. Не было ни одного человѣколюбиваго начинанія, ни одной благотворной мысли, которой она не сочувствовала бы и не помогала словомъ или дѣломъ. Такъ, она сильно возставала противъ торга невольниками, опаиванія опиумомъ китайцевъ, грубаго обращенія съ умалишенными и пр. Состоя дѣятельнымъ членомъ множества благотворительныхъ учрежденій, совершая поѣздки съ цѣлью распространенія своихъ человѣколюбивыхъ идей, она не пренебрегала и своими семейными обязанностями и всегда оставалась доброю женою и матерью и рачительною хозяйкой. Когда ее спрашивали, какимъ образомъ она успѣваетъ все дѣлать и притомъ, дѣлать все такъ прекрасно, она отвѣчала съ улыбкою: „Я руководствуюсь такимъ правиломъ: „Будь великъ въ маломъ и исполнителенъ въ большомъ, тогда тебѣ будетъ дано совершить истинно великое и благое“.

Старость Елизаветы Фрей была омрачена различными несчастіями: она утратила многихъ близкихъ и дорогихъ ей сердцу, понесла значительныя денежныя потери, но ни семейное горе, ни разстройство состоянія не остановили ея общественной дѣятельности. Она трудилась на избранномъ поприщѣ до послѣднихъ дней своихъ, и скончалась на 65 г. своей жизни, отъ тяжелой болѣзни, въ Рамсгэтѣ, 13-го октября 1845 года.

Похороны ея, принятыя англійскимъ правительствомъ на свой счетъ, были торжественны, и не только англійскія, но и всѣ европейскія газеты почтили ея память подробнымъ описаніемъ ея жизни, которая была вся истинно великимъ и благотворнымъ подвижничествомъ.

Поэтическая повѣсть Томаса Мура „Пери и Ангелъ“, переведенная В. А. Жуковскимъ, приходитъ невольно на умъ, при воспоминаніи о великой, благородной женщинѣ,

собиравшей слезы покаянія прегрѣшившихъ, чтобы повер-
гать ихъ къ стопамъ того, кто повѣдалъ намъ радость ан-
геловъ божіихъ о каждомъ кающемся.

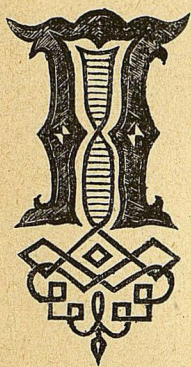
С. Воскресенская.

АНГЕЛЪ И ПЕРИ.

(Отрывокъ изъ повѣсти Томаса Мура).

ОЭТЪ описываетъ павшую небожительницу Пери, изгнанную изъ рая. Видя ея раскаяніе, Всевышній говоритъ ей: „Ты еще можешь возвратить себѣ утраченное блаженство, только принеси на небо то сокровище, которое можетъ отворить райскія врата.

Пери летитъ на землю, собираетъ капли крови воина, павшаго за отечество, и несетъ на небо;—но тщетно ждетъ у райскихъ дверей, и грустно возвращается къ землѣ. Ни послѣдній поцѣлуй умирающаго юноши, данный невѣстѣ, ни чистая молитва младенца не открываютъ ей рая, — и вотъ она опять летитъ на землю.

Сіяла вечера сіаньемъ
Отчизна розы, Суристанъ,
И солнце, неба великанъ,
Сходя на западъ, какъ корона,
Главу вѣнчало Ливанона,
Въ великолѣпнѣи снѣговъ
Смотрящаго изъ облаковъ,
Тогда какъ рдѣющее лѣто

Въ долинь, зноемъ разогрѣтой,
У ногъ его роскошно спить.

. . . . .
. . . . .
. . . . . Но, ахъ!

Для бѣдной Пери нѣтъ улады.
Разсѣяныя склонила взгляды,
Тоской души утомлена,
На падшій солнцевъ храмъ она,
Вечернимъ солнцемъ озаренный;

. . . . .
И Пери въ тайномъ упованьѣ
Къ святымъ развалинамъ летить:

. . . . .
И съ трепетомъ она къ порогу
Жилища солнцева идетъ;
Еще багряный вечеръ леть
Свое сіянье съ небосклона,
И ярко пальмы Ливанона
Въ роскошныхъ свѣтахъ...

Но что-же вдругъ въ ея очахъ?

Долиною Балбека ясной,
Какъ роза, свѣжій и прекрасный,
Вѣжитъ младенецъ; озарень
Огнемъ заката, гнался онъ
За легкокрылой стрекозою,
Напрасно жадною рукою
Стараясь дотянуться къ ней;
Среди ясиновъ и лилей
Она кружится непослушно
И блещетъ, какъ цвѣтокъ воздушный
Иль какъ порхающій рубинъ.
Уставъ, младенецъ подъ ясинъ
Прилегъ и въ листьяхъ угнѣзвился.
Тогда вблизи остановился
На жарко дышащемъ конѣ
Ѣздокъ, съ лицомъ, какъ на огнѣ,
Отъ зноя дневнаго горѣвшимъ;

Надъ мелкимъ ручейкомъ, шумѣвшимъ
Близъ имарета, онъ съ коня
Спрыгнулъ и, на воды склоня
Лице, студеньхъ струй напился.
Тутъ взоръ его оборотился,
Изъ-подъ густыхъ бровей блестя,
На безмятежное дитя,
Которое въ цвѣтахъ сидѣло,
И улыбалось, и глядѣло
Безъ робости на пришлеца,
Хотя столь страшнаго лица
Дотолъ солнце не палило.
Свирѣпо-сумрачное, было
Подобно тучи громовой
Оно своей ужасной мглой,
И яркими чертами совѣсть

.....
Всю написала жизнь на немъ,
Какъ обвинительнымъ перомъ
Неумолимый ангель мщенья
Записываетъ преступленья
Земныя въ книгѣ роковой,
Чтобъ послѣ милость ихъ слезой
Съ погибельной страницы смыла.
Краса-ли вечера смирила
Въ немъ душу—но злодѣй стоялъ
Задумчивъ, и предъ нимъ игралъ
Малютка тихо, межъ цвѣтами;
И съ яркими его очами,
Глубоко впадшими, порой
Встрѣчались полныя душой
Младенца голубыя очи;

.....
Но солнце тихо за границы
Земли зашло... и въ этотъ часъ
Вечерній минаретовъ гласъ,
Къ мольбѣ скликающій, раздался...
Младенецъ набожно поднялся

Съ цвѣтовъ, колѣни преклонилъ,
На югъ лице оборотилъ,
И съ тихостью предъ небесами
Самой невинности устами
Промолвилъ имя божества.
Его лице, его слова,
Его смиренно сжаты руки...
Казалось, о концѣ разлуки
Съ эдемомъ радостнымъ своимъ
Молился чистый херувимъ,
Земли на время поселенецъ.

.....

А онъ?.. отверженный, несчастный...
Передъ невинностью прекрасной,
Какъ осужденный, онъ стоялъ...
Увы, онъ памятью леталъ
Надъ темной прошлаго пучиной:
Тамъ не встрѣчался ни единый
Веселый брегъ, куда-бъ пристать
И гдѣ-бъ отрадную сорвать
Надеждѣ вѣтку примиренья;
Одни лишь грозныя видѣнья
Носились въ темной безднѣ той...
И грудь смягчалася тоской;
И онъ подумалъ: „время было,
И я, какъ ты, младенецъ милый,
Былъ чистъ, на небеса смотрѣлъ,
Какъ ты, молиться имъ умѣлъ
И къ мирной алтаря святынѣ
Спокойно подходилъ... а нынѣ?..
И голову потупилъ онъ;
И все, что съ давнихъ тѣхъ временъ
Въ душѣ ожесточенной спало,
Чѣмъ сердце юное живало
Во дни минувшей чистоты,
Надежды, радости, мечты—
Все вдругъ предъ нимъ возобновилось
И въ душу свѣжее втѣснилось;
И онъ заплакалъ... онъ во прахъ

Предъ Богомъ палъ въ своихъ слезахъ.
О, слезы покаянья! вами
Душа дружится съ небесами,

. . . . .
. . . . .

И Пери въ жалости, въ участѣ,
Забывъ себя и жребій свой,
Съ покорною о немъ мольбой
Глаза на небо—свѣтомъ ровнымъ
Сіяющее—возвела;
Ея душа полна была
Неизбъяснимымъ ожиданьемъ...

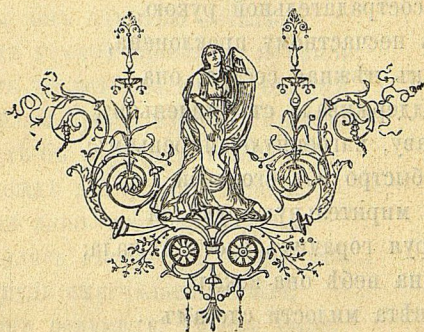
На хладномъ прахѣ съ покаяньемъ
Предъ Богомъ плачущій злодѣй
Лежалъ недвижимъ передъ ней,
Къ землѣ прикинувъ головою;
И сострадательной рукою,
Къ несчастному преклонена,
Какъ нѣжная сестра, она
Поддерживала съ умиленьемъ
Главу, нагбенную смиреньемъ;
И быстро изъ его очей
Въ мирительную руку ей
Струя горячихъ слезъ бѣжала;
И на небѣ она искала
Отвѣта милости слезамъ...

И все прекрасно было тамъ!
И были вечера свѣтила,
Какъ яркія паникадила,
Въ небесномъ храмѣ зажжены;
И мнилось ей: изъ глубины
Того незримаго чертога,
Гдѣ чистымъ покаяньемъ Бога
Умѣть сердце обрѣтать,
Къ землѣ сходила благодать;
И тамъ, казалось, ликовали;
Какъ будто ангелы летали
Съ веселой вѣстью по звѣздамъ;
Какъ будто праздновали тамъ
Святую радость примиренья...

И вдругъ, внезапнаго стремленья
Могуществомъ увлечена,
Уже на высотѣ она;
Уже предъ ней почти пропала
Земля, и Пери... угадала!
Съ потокомъ благодарныхъ слезъ,
Въ послѣдній разъ съ полунебесъ
На міръ земной она воззрѣла...
„Прости земля!...“ и улетѣла.

В. Жуковскій.

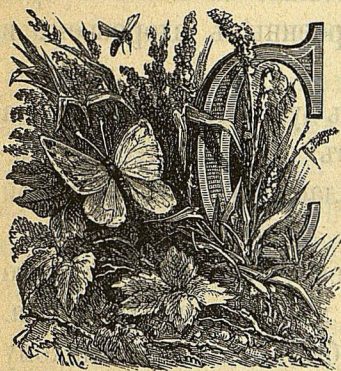

ИСПРАВИТЕЛЬНЫЯ ТЮРЬМЫ

и

земледѣльческія колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ.

УЩЕСТВОВАНИЕ тюрьмы видѣется еще въ отдаленной древности, но почти до XIX столѣтія тюрьма играла совсѣмъ другую роль, нежели какую играетъ теперь.

Въ XVIII вѣкѣ тюрьму считали не наказаніемъ, а мѣрой храненія арестованныхъ, пока надъ ними производится судъ.

Въ видѣ наказанія она назначалась только въ исключительныхъ случаяхъ. Наказанія были различныя.

О личности человѣка не было и вопроса. Задача состояла только въ томъ, чтобы было наказано нарушеніе обязанностей относительно общества и Бога. Такимъ образомъ наказаніе являлось, какъ средство искупленія вины передъ Богомъ и людьми и какъ отмщеніе за зло преступленія зломъ наказанія.

Кромѣ того жестокость кары общественной имѣла цѣлью внушать страхъ тѣмъ, которые иначе можетъ быть рѣшились бы на преступленіе.

Въ исходѣ прошедшаго столѣтія стали смотрѣть на тюремное заключеніе какъ на одно изъ главныхъ наказаній. Тюрьму и можно было считать страшной карою.

Вотъ какого рода тюрьмы были, куда отсылались виновные и гдѣ они оставались цѣлые годы.

До девятнадцатаго столѣтія заключенные большей частью содержались въ тюрьмахъ тѣсныхъ, сырыхъ, нечистыхъ, лишенныхъ свѣжаго воздуха и почти безъ свѣта. Тутъ помѣщались вмѣстѣ подсудимые, обвиненные, бродяги, должники, мушны, женщины, старые, дѣти. Отъ сырости на нихъ вѣтшала одежда, полуодѣтые они должны были спать на полу, на полуистлѣвшей соломѣ—здоровые и больные, взрослые и малолѣтніе. Измученные нищетою, часто оскорбленіями и побоями тюремщиковъ, голодомъ и отчаяніемъ, попавшіе въ тюрьму, невинные или виновные въ легкихъ проступкахъ, выходили оттуда съ разстроеннымъ здоровьемъ и съ наклонностію къ преступленію.

А дѣти?—выросшія подъ вліяніемъ дурныхъ примѣровъ на свободѣ, въ тюрьмѣ они попадали въ общество сознательныхъ преступниковъ, и тюрьма дѣлалась для нихъ школой порока.

За что же была такая кара ребенку? за то, что у него не было семьи, не было руководителя, можетъ, не было крова, куска хлѣба; за то, что онъ всемі былъ покинутъ, никому до него не было дѣла; за то, что онъ съ колыбели былъ окруженъ нищетою, одиночествомъ, дурными примѣрами, дурными совѣтами.

Не умѣя различать добра отъ зла, ребенокъ дѣлаетъ дурной поступокъ безсознательно. Какъ же карать его? Не имѣя ни возможности, ни умѣнья помочь себѣ трудомъ, понятно, что ребенокъ идетъ просить милостыню, или видя вокругъ себя довольство, до котораго ему нельзя коснуться,—прибѣгаетъ къ кражѣ, большей частью съѣстныхъ припасовъ, одежды, мелкихъ денегъ.

Необходимость реформы тюремнаго вопроса все больше и больше чувствовалась въ обществѣ, и наконецъ въ исходѣ прошедшаго столѣтія законодательство въ первый разъ отнеслось къ тюремному вопросу вообще, а къ ребенку особенно

болѣе человѣчески. Главной цѣлью наказанія преступника стало не отплата зломъ за зло, а возстановленіе въ павшемъ—человѣка и гражданина.

При такомъ взглядѣ основой наказанія должно было сдѣлаться исправленіе—оно и сдѣлалось основой наказанія.

Съ принятіемъ исправительной системы какъ основанія наказаній, ясно стало, что взрослому надобно помочь его внутренней работѣ надъ самимъ собою, а ребенка—надобно воспитывать.

Тогда раздѣлили преступниковъ по возрастамъ, а возрасты разграничали. Въ настоящее время, въ наказаніе тюремой—введены двѣ основныя разнородныя системы.

1) Система общаго тюремнаго заключенія. Преступники, при лучшемъ устройствѣ тюрьмы, содержатся вмѣстѣ, свободно видятся, вмѣстѣ учатся и работаютъ; это сроднѣе человѣческой натурѣ, но способствуетъ взаимной порчѣ, и членамъ тюрьмы трудно слѣдить за исправленіемъ преступниковъ вообще.

2) Система одиночнаго заключенія. Каждый преступникъ содержится въ отдѣльной комнатѣ и не имѣетъ никакого сообщенія съ другими. Это спасаетъ отъ взаимной порчи и даетъ возможность наблюдающимъ за исправленіемъ виновнаго узнать его характеръ, жизнь, привычки и вліять на его улучшеніе. Но увидали, что одиночество постоянное подавляетъ душу тоской, и отнимаетъ силу воли.

Система одиночнаго заключенія родилась въ Америкѣ, подъ вліяніемъ американскихъ квакеровъ, въ формѣ — покаенія. Преступники содержались по отдѣльнымъ кельямъ, никого не видя. Это доводило иныхъ до помѣшательства,—тогда члены тюрьмы стали посѣщать заключенныхъ, позволили имъ всѣмъ вмѣстѣ бывать въ школѣ, въ церкви и уничтожили отдѣльные дворики для гулянья. Но несмотря на улучшеніе одиночнаго заключенія, и до сихъ поръ еще возникаетъ вопросъ, можетъ ли эта система вліять на столько

благотворно, чтобы вмѣсто преступника возвратить обществу полезнаго гражданина.

Надъ этой задачей трудятся десятки лѣтъ западныя государства, и каждое видоизмѣняетъ ее болѣе или менѣе по своему, но еще и до сихъ поръ задача эта остается задачею.

Цѣль всѣхъ этихъ видоизмѣненій та, чтобы выработать наконецъ такую систему, въ которой можно бы было воспользоваться всѣми преимуществами одиночнаго заключенія и избѣжать ея недостатковъ.

Только въ послѣднее время, благодаря вошедшимъ въ жизнь новымъ началомъ, задачу эту болѣе или менѣе рѣшаетъ Ирландія.

Съ новыми мѣрами исправленія для взрослыхъ, явилась надобность и въ измѣненіи наказанія малолѣтнихъ. Смертная казнь, каторжныя работы въ цѣпяхъ, ссылка малолѣтнихъ, отъ 10 до 20-лѣтняго возраста, замѣнены были отдѣльной исправительной тюрьмою.

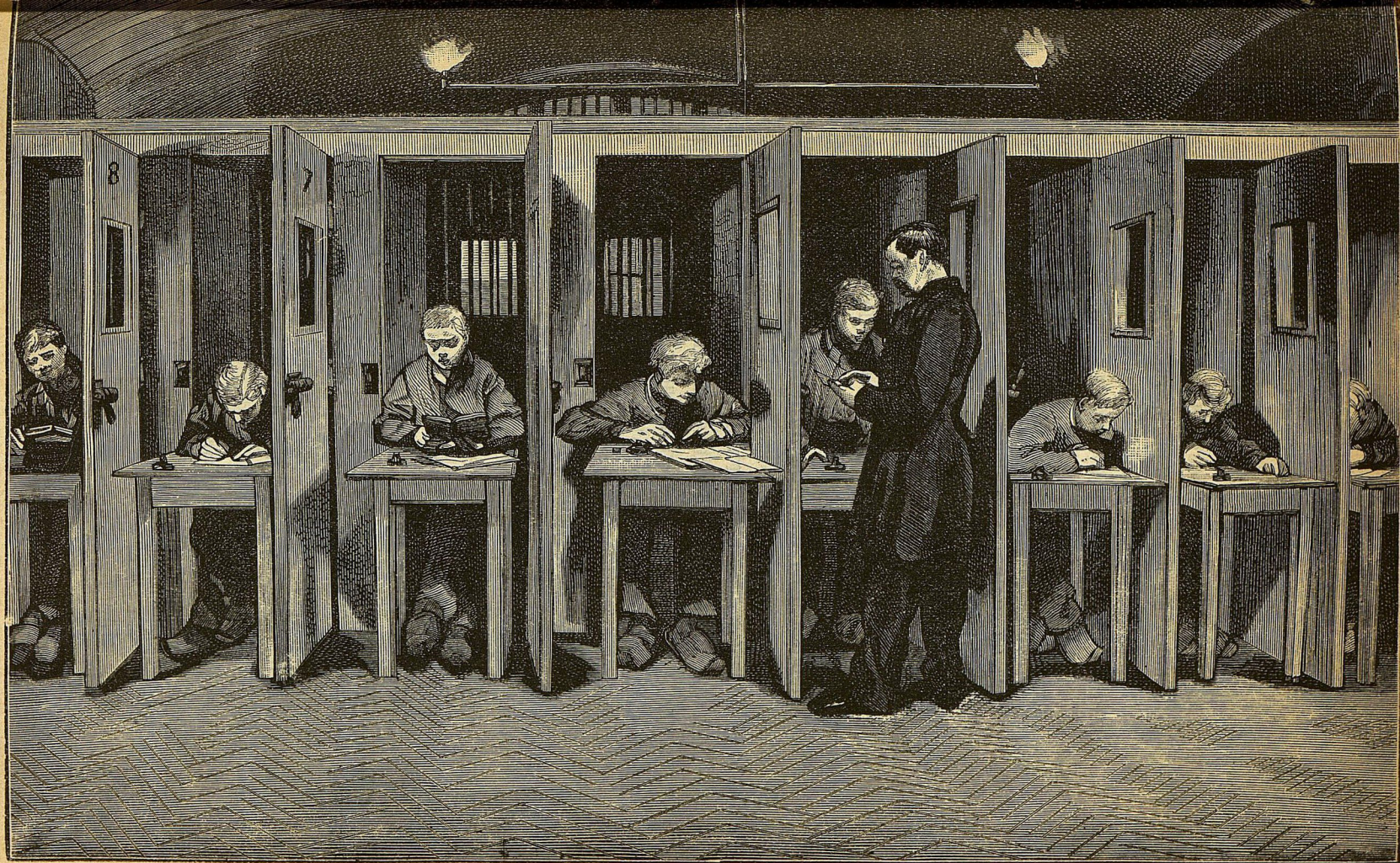
Но какъ ни хороши были отдѣльныя тюрьмы, все же оказалось, что воспитывать дѣтей въ нихъ невозможно. Жизнь въ тюрьмахъ разрушала здоровье дѣтей и вредила нравственному улучшенію.

Тогда рѣшили помѣщать виновныхъ дѣтей въ семьи ремесленниковъ и земледѣльцевъ подъ надзоромъ тюремныхъ учрежденій. Эта мѣра указала на необходимость семейнаго воспитанія; но какъ замѣнить семью? кто захочетъ смотрѣть ни дитя преступника, какъ на своего ребенка? какъ его воспитывать? Хозяева, къ которымъ помѣщались эти дѣти, не заботились на о ихъ образованіи, ни о ихъ исправленіи, а только старались всѣми средствами извлечь изъ нихъ побольше выгоды. Вопросъ былъ затруднителенъ.

Истиннымъ спасеніемъ для погибавшихъ малолѣтнихъ явились земледѣльческія колоніи.

Мысль устройства земледѣльческихъ колоній была не новая. Подобнаго рода заведеніе еще въ концѣ прошедшаго столѣтія находилось въ Швейцаріи, благодаря Песталоци и

Исправительная тюрьма одиночнаго заключенія для малолѣтнихъ преступниковъ.

его послѣдователямъ. Планъ устраивать земледѣльческія колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ встрѣтилъ полное сочувствіе какъ въ правительствѣ, такъ и въ обществѣ, и колоніи земледѣльческія стали быстро распространяться.

Самыя блистательные результаты дала во Франціи колонія Metray; по образцу Metray начали образовываться по всюду такія же колоніи. На случай недостатка частныхъ земледѣльческихъ колоній строились и казенныя.

Въ колоніи ребенка не наказываютъ, а воспитываютъ. Гдѣ же лучше воспитываться, какъ не въ деревнѣ, среди живой природы, среди сельскихъ занятій? Тамъ дѣти не стѣснены оградой заведенія, не тоскуютъ по свободѣ на чистомъ воздухѣ. Какъ жизнь, такъ и простыя занятія въ деревнѣ производятъ благотворный переворотъ въ душѣ ребенка, укрощаютъ дурныя наклонности, располагаютъ къ добру, приучаютъ къ простотѣ и довольству необходимому.

Дѣвочки въ земледѣльческихъ колоніяхъ занимаются различными рукодѣльями, огородничествомъ, садоводствомъ, уходомъ за скотомъ, стиркой бѣлья и стиральной на кухнѣ. Мальчики—земледѣліемъ, огородничествомъ, садоводствомъ, скотоводствомъ, винодѣліемъ, мельничествомъ. Изъ ремеслъ изучаютъ: портное, сапожное, шляпное, плотничье, столярное, слесарное, кузнечное, бочарное, колесное, печенье хлѣбовъ; образуются также ткачи, обойщики, парусники, мраморщики, машинисты и пр. Всѣ колонисты каждый день, учатся читать, писать, считать, чертить геометрическія фигуры, системѣ мѣръ, вѣсовъ, музыкѣ, хоровому пѣнію, закону Божію, географіи и исторіи; болѣе способные въ такомъ обширномъ размѣрѣ, что мальчикъ, имѣющій призваніе къ наукамъ, можетъ приготовиться въ высшее учебное заведеніе.

Тѣлесныя наказанія не приняты ни въ одной колоніи. Наказаніе ограничивается запрещеніемъ говорить, играть во время рекреаціи, видаться и переписываться съ родителями и родными. Иногда дѣлаютъ публичный выговоръ или ли-

шаютъ довѣренной должности. За хорошее поведеніе или благородный поступокъ назначаютъ награду; чтобы поощрить къ труду, даютъ за работу извѣстную плату, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ входитъ въ расчетъ и поведеніе.

Помѣщены дѣти удобно, пища имъ дается здоровая, но простая; платье простое, но опрятное; постель чистая, въ свѣтломъ залѣ, съ свѣжимъ воздухомъ. Во всемъ наблюдается величайшій порядокъ не строгими мѣрами, а нравственной силой директора и его помощника. Воспитатели относятся, большею частію, къ воспитанникамъ мягко и кротко, не какъ къ подчиненному, а какъ человѣкъ къ человѣку, съ уваженіемъ къ его человѣческому достоинству.

Въ колоніи, гдѣ директоръ и весь персоналъ преданъ великому дѣлу воспитанія, отрадно видѣть, какъ дѣти довѣрчиво и свободно обращаются съ своими надзирателями; во время отдыха вмѣстѣ играютъ, бѣгаютъ, но едва наступаетъ время работъ, все утихаетъ и водворяется строжайшій порядокъ: всѣ, отъ директора и его помощника до самаго маленькаго колониста, одинаково прилежно и весело работаютъ.

Благотворные результаты дѣятельности исправительныхъ колоній можно видѣть изъ статистическихъ отчетовъ.

Вмѣстѣ съ правильнымъ устройствомъ исправительныхъ наказаній открылась обширная дѣятельность и для общества. Надобно было подумать о судьбѣ выходящихъ изъ тюремъ, т. е. устранить тѣ условія, которыя довели освобожденнаго до преступленія.

Какъ бы искренно ни желалъ освобожденный вести честную, полезную жизнь,—что можетъ онъ сдѣлать, если общество встрѣтитъ его съ недовѣріемъ, съ презрѣніемъ, и никто не дастъ ему ни работы, ни пріюта, ни опоры. Здѣсь покровительственныя общества явились истиннымъ благодѣяніемъ, примиреніемъ между обществомъ и преступникомъ. Въ покровительственномъ обществѣ освобожденный находитъ занятіе, добрый совѣтъ и поддержку.

Для освобожденных колонистовъ почувствовалась еще большая необходимость въ частныхъ покровительственныхъ обществахъ.

Оставляя колонію, колонистъ получаетъ, кромѣ денегъ, заработанныхъ въ колоніи, полную пару платья и денежную помощь на дорогу.

Такимъ образомъ обеспеченный на первое время онъ вступаетъ въ самостоятельную жизнь.

Оставленный на свои силы, безъ опыта, безъ практическаго знанія жизни, безъ помощи, колонисту не легко стать самостоятельно уберечься отъ многихъ искушеній, которыя встрѣтитъ при вступленіи въ жизнь общественную, и при всемъ желаніи трудомъ зарабатывать свой хлѣбъ, если не найдетъ работы—безъ средствъ къ жизни куда ему дѣться, что дѣлать; безъ помощи, безъ добраго совѣта онъ гибнетъ, и все доброе, что въ немъ было пробуждено — гложетъ. Будь у него въ эту минуту поддержка, защита—и онъ спасенъ. Эту поддержку, эту защиту и стараются по возможности доставить покровительственныя общества.

Необходимость въ помощи сначала для заключенныхъ въ тюрьмахъ и потомъ и для освобожденныхъ чувствовалась очень давно. И еще въ средніе вѣка многія духовныя братства посвящали себя этой цѣли.

Въ нынѣшнемъ столѣтіи съ возникновеніемъ исправительныхъ системъ ясно создалась необходимость въ покровительственныхъ обществахъ для освобожденныхъ и еще болѣе для малолѣтнихъ.

Пожелаемъ же отъ всего сердца, чтобы и у насъ, въ Россіи, распространялись исправительныя тюрьмы и исправительныя земледѣльческія колоніи, основанныя на потребностяхъ и положеніи страны и духа народа; гдѣ бы несчастныя дѣти могли найти пріютъ, встрѣтить должную объ нихъ заботливость и возвратиться обществу честными, хорошими людьми и достойными гражданами своего отечества.

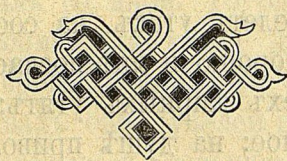
Этотъ краткій очеркъ системы наказаній извлеченъ изъ трудовъ Александра Вадимовича Пассека, много работавшаго по этому вопросу и написавшаго проектъ о преобразованіи тюремъ. Проектъ этотъ напечатанъ княземъ Николаемъ Алексѣевичемъ Орловымъ въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ при слѣдующемъ, написаннымъ княземъ, предисловіи:

„Александръ Вадимовичъ Пассекъ посвятилъ около десяти лѣтъ на изученіе тюремнаго вопроса. Одаренный высокими способностями, получивъ многостороннее блистательное образованіе, Пассекъ могъ бы легко и скоро пріобрѣсть столь цѣнную у насъ служебную извѣстность. Несмотря на то, онъ предпочелъ болѣе скромное, но далеко не менѣе полезное поприще. „Жизнь моя, говорилъ Александръ Вадимовичъ, принадлежитъ отечеству. Внутренній голосъ велитъ мнѣ работать на его пользу, тамъ, гдѣ я могу дѣйствительно ее принести“.

„Онъ принялся за тюремное дѣло сперва одинъ, потомъ съ содѣйствіемъ министерства внутреннихъ дѣлъ, котораго просвѣщеннѣйшій начальникъ П. А. Валуевъ высоко цѣнилъ и уважалъ Пассека. Смерть поразила его при самомъ окончаніи его проекта. Мы всё потеряли въ Александрѣ Вадимовичѣ Пассекѣ друга; Россія утратила одного изъ своихъ самыхъ вѣрныхъ сыновъ и полезныхъ дѣятелей“.

10-го сентября 1867 года.

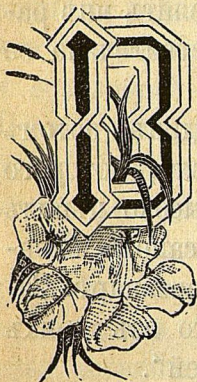
Т. Пассекъ.

БѢЛЫЙ КОТЪ.

(Изъ охотничьяго быта).

В ТО ВРЕМЯ, когда я только-что начиналъ охотиться самостоятельно, у меня, какъ у молодого охотника, не было еще охотничьей сдержанности и сообразительности, которыя приобрѣтаются продолжительной охотой, со мною произошелъ одинъ случай, котораго я долго не могъ забыть, такъ было совѣстно и досадно на самого себя.

Это случилось въ августѣ, въ чудный тихій вечеръ. На желтенькихъ бѣговыхъ дрожкахъ, запряженныхъ крѣпкою, вороною лошаdkой, возвращался я съ охоты вмѣстѣ съ молодымъ кучеромъ Петрушкой, который всегда прїѣзжалъ за мной на охоту.

Ѣздилъ я на перелетъ утокъ, на сосѣднее широкое болото. Утки летѣли хорошо и мнѣ посчастливилось положить въ свой ягдташъ трехъ жирныхъ утятъ; расположеніе духа было прїятное, веселое; на душѣ привольно и покойно.

Лошадь бѣжала ровно, бойкою рысью по мягкоукатанной проселочной дорогѣ. По сторонамъ дороги широко расходились убранныя поля. На нихъ уже не волновалась красивая рожь и пшеница.

Кое-гдѣ попадались узенькія полоски неубранной еще, но уже потемнѣвшей гречихи и высокаго проса, съ своими большими кистями.

Солнце сѣло за дальними мѣловыми пригорками и ярко золотистый горизонтъ все потухалъ и потухалъ.

Мягкія сумерки спускались все гуще и гуще и окружающія предметы понемногу тонули въ нихъ; въ воздухѣ чувствовалась вечерняя прохлада. Всѣ близко окружавшіе предметы стали принимать грандіозныя очертанія и казаться больше, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ, что обыкновенно замѣчается по вечерамъ. Цѣлая вереница несвезенныхъ еще копенъ какого-то хлѣба стояла въ полѣ и вырисовывалась на чистомъ горизонтѣ неба. Копны казались такими большими и такими высокими, что ихъ можно было принять за скирды. Дальній лѣсъ потонулъ во мракѣ

Восточный горизонтъ потемнѣлъ; на немъ чаще и чаще загорались звѣздочки. Наконецъ даль, дальніе предметы всѣ потонули въ синеватомъ туманѣ наступающаго вечера.

Въ воздухѣ раздавался шумъ бѣжавшихъ дрожекъ, топотъ копытъ лошади и по временамъ лязгъ подковъ, ударявшихся на бѣгу одна о другую. Въ мелкихъ кустарникахъ и небольшихъ оврагахъ, густо поросшихъ бурьяномъ, мимо которыхъ намъ приходилось проѣзжать, слышался усердный трескъ кузнечиковъ, предвѣщавшій жаркую, сухую погоду.

Петрушка, какъ-то особенно скорчившись и положивъ ноги на заднюю ось дрожекъ, сидѣлъ позади меня и, не переставая, разговаривалъ со мной. То спрашивалъ, видимо съ большимъ интересомъ, гдѣ какая дичь водится, какую дробью и въ какое время лучше бить утокъ и долгоносыхъ куликовъ (такъ называлъ онъ дупелей и бекасовъ) и другую дичь и, вообще, высказывалъ большое желаніе сдѣлаться охотникомъ, хотя признался, что еще ни разу не стрѣлялъ, но зато видѣлъ, какъ у Сашки повара (его большого пріятеля) разорвало въ рукахъ ружье.

Послѣ этого онъ началъ высказывать недостатки и достоинства всѣхъ лошадей нашей конюшни. Бурый, по его мнѣнію, былъ нехорошъ, потому что безъ кнута на немъ далеко не уѣдешь. „Что ударишь, то-й поѣдешь“, какъ выразился онъ. Гнѣдой, головатый — была добрая лошадь, но на ходу сильно тянулъ, за что и получилъ названіе голова-таго, и подобныя другія замѣчанія относились чуть не ко всякой лошади.

Затѣмъ, онъ меня убѣдительно просилъ убить ему сороку, такъ какъ старая сорока, висѣвшая въ конюшнѣ, отъ времени пропала, а безъ сороки оставлять конюшню нельзя, потому что домовой сейчасъ же начнетъ ѣздить на лошадяхъ и ихъ портить.

Я ему общалъ, при первой же возможности, убить сороку.

Намъ на встрѣчу ѣхала телѣга со снопами ржи. На вершинѣ высоко нагруженныхъ сноповъ сидѣла маленькая дѣвочка и плакала горючими слезами. Мать ея, высокая, плечистая женщина, не обращая вниманія на этотъ плачь, вела въ поводу лошадь, бодро шагая по пыльной дорогѣ. Телѣга, плохо мазанная, то скрипѣла, то визжала; визгъ колесъ и плачь ребенка долго слышались позади насъ въ вечерней тишинѣ. Гдѣ-то вверху летѣла запоздавшая цапля и, по временамъ, вскрикивала своимъ пронзительнымъ крикомъ. Темная полоса лѣса, по мѣрѣ нашего приближенія къ ней, дѣлалась все больше, выше заслоняла горизонтъ неба, а на темномъ фонѣ ея стали выдѣляться тусклыя очертанія отдѣльныхъ деревьевъ. Дорога пошла нѣсколько въ гору и мы поѣхали шагомъ. Лошадь, ступая шагомъ, мотала головой, отгоняя камаровъ, и махала хвостомъ, забрасывая его на возжи. Наконецъ, мы выѣхали въ большой, дубовый лѣсъ. Высокіе, толстые дубы стояли какъ-то особенно величественно среди вечерняго мрака.

Дорога шла по широкой просѣлкѣ, изрѣзанной безчисленнымъ количествомъ колевинокъ одна другой хуже. На каждомъ

шагу попадались выбоины и ямы, наполненныя въ иныхъ мѣстахъ грязною водой.

Въ лѣсу было темно и тихо. Длинные, сучковатыя вѣтви дубовъ выступая далеко надъ дорогой, казались какими-то непомѣрно большими и самой разнообразной формы.

На темно-синей полоскѣ неба, виднѣвшейся среди деревьевъ, усыянной уже безчисленными звѣздочками, появлялись силуэты летучихъ мышей, быстро зигзагами летавшихъ во всевозможныхъ направленіяхъ.

Гдѣ-то далеко прокричала протяжнымъ плачемъ сова. Крикъ ея громко повторился по лѣсу. Вѣхавъ въ лѣсъ, Петрушка замолчалъ; я тоже не начиналъ разговора, мы ѣхали молча. По временамъ, онъ затягивалъ какую-то пѣсню; но голосъ его обрывался. Пѣсня не пѣлась. Проѣзжая мимо открывшейся въ лѣсу большой поляны, гдѣ виднѣлось нѣсколько, пасшихся лошадей, Петрушка снова заговорилъ.

— Сегодня Иванъ съ города пріѣхалъ, такъ говорить, стрыжака *) видѣлъ, началъ онъ какимъ-то таинственнымъ голосомъ.

— Какого стрыжака? переспросилъ я его, не понявъ, что подразумѣваетъ онъ подъ этимъ названіемъ.

— Да стрыжака, рикшанта, что въ городѣ съ острога ушелъ. Развѣ вы не слышали, — ихъ, говорятъ, человѣкъ пять ушло.

— Нѣтъ, это слышалъ. Гдѣ-жъ онъ его видѣлъ?

— Какъ разъ около Коршунова; знаете, на горкѣ лѣсокъ есть на дорогѣ, такъ тамъ. Иванъ это съ горы сталъ спускаться. Възъ тяжелый, а бурый нашъ завсегда скверно съ горы спускаетъ, того гляди скатишься. Вотъ онъ всталъ, да и повелъ бураго подъ уздцы; только что, значить, на середину горы съѣхалъ, да, знаете, тамъ на поворотѣ дупло старое стоитъ, какъ его проѣхалъ, анъ глядь внизъ, а тамъ на

*) Преступникъ, бѣжавшій изъ острога.

лощинку выскочилъ изъ-за кустовъ стрыжакъ и смотритъ, только въ другую сторону. Страшный такой; волосы на немъ стрыженные, поддевка риштанская куцая, въ рукахъ-то держитъ здоровый-прездоровый ножикъ. А самъ-то озирается, точно звѣрь какой. Иванъ думаетъ, что тутъ дѣлать?—по среди горы не станешь; пропалъ ни за что. Началъ полегоньку спускаться,—думаетъ, на все воля Божья. Только на счастье его, отъ Коршунова кто-то на тройкѣ съ колокольчикомъ ѣхалъ. Стрыжакъ, какъ заслышалъ, что ѣдутъ, сичасъ въ кусты подался. Такъ Господь помиловалъ, прибавилъ онъ, немного помолчавъ.

— Да когда-же онъ его видѣлъ? спросилъ я послѣ нѣкотораго молчанія.

— Сегодня въ обѣдъ. Онъ, говорятъ, дней пять ужъ проживаетъ въ этомъ лѣсу: четыре стрыжака подъ городомъ въ ольхахъ засѣли, а одинъ здѣсь. Вчера Филатка пастухъ приходилъ, такъ рассказывалъ: пасли это они по лугу лошадей, а къ вечеру и подогнали ихъ къ лѣску (знаете, что около гребни), на водопой. Лошади напились, пасутся, а они развели огонекъ, отъ комарей, и посадились около него; кто заснулъ, а кто пѣсни пѣлъ. Сидятъ, а на дворѣ еще свѣтло, только солнышко сѣло; вдругъ слышатъ, что по кустамъ что-то звякнуло; они думали лошадь какая путами, анъ оказался стрыжакъ; онъ это тихо, тихо, какъ лисица, подкрался къ ихнимъ торбамъ съ хлѣбомъ, схватилъ ихъ, да въ кусты и побѣжалъ. Какъ увидѣли они его,—какъ подхватится, кто куда попало! Филатка картузь со страху потерялъ, а другой мальчишка спросонья какъ пустится, да прямо въ болото по поясъ угодилъ: выскочить не можетъ,—и ну кричать. Смѣху, говорятъ, послѣ было, страсть!

— Что-жъ его не поймали?

— Да какъ поймать. Подъ городомъ облаву на нихъ дѣлали: сколько мужиковъ понагнали, а толку ничего не вышло...

Лай двухъ собакъ, раздавшійся въ лѣсу, гдѣ находилась

землянка сторожа, прервалъ Петрушку. Собаки залаяли съ какимъ-то воемъ; вой отозвался по лѣсу.

— На свою голову, сказалъ сердито Петрушка, плюнулъ въ ту сторону, откуда слышался лай, и, поворочавшись на дрожкахъ, замолчалъ.

Поляна кончилась и въ лѣсу стало опять темно.

Дорога шла все такая-же невыносимая. Лошадь, довольная, что ей не приходится бѣжать, шла ровнымъ шагомъ. Вдругъ Петрушка, сильно наклонившись ко мнѣ, таинственно-робкимъ голосомъ сказалъ, указывая въ сторону.

— Баринъ, смотрите, что это бѣжить по дорогѣ.

— Что, гдѣ? невольно воскликнулъ я не безъ робости. Разсказъ Петрушки о стрыжакахъ и темнота лѣса, настроили мое воображеніе.

— Да вонъ, вонъ, смотрите, бѣлое что-то!

Дѣйствительно, чрезъ широкую просѣку, поросшую въ этомъ мѣстѣ бурьяномъ и дикой ромашкой, двигалось съ одной стороны лѣса на другую, небольшое бѣлое пятно величиною въ шапку. То оно двигалось прыжками и рѣзкими скачками, то шло плавно и тихо, словно плыло, то останавливалось, а за тѣмъ снова подвигалось. Я осадилъ лошадь и началъ всматриваться; но, за густымъ мракомъ спустившихся сумерекъ, рѣшительно нельзя было разобрать ни формы, ни настоящей величиныдвигающагося предмета. Воображеніе, при такой обстановкѣ, подсказывало самыя невѣроятныя предположенія и догадки; но высказать ихъ Петрушкѣ я не рѣшался боясь сказать чтонибудь смѣшное и невѣроятное. Воображеніе росло и росло я былъ увѣренъ, что это бѣлое пятно вѣдьма, превратившаяся въ клубокъ и отправляющаяся въ какуюнибудь деревню доить коровъ. Разсказы про вѣдьмъ и ихъ способность превращаться въ клубки, въ косы и кочерги, я часто слышалъ отъ кузнецовъ, пасѣчниковъ и мельниковъ, съ которыми не разъ приходилось бесѣдовать. По правдѣ сказать, слушая эти разсказы, я имъ не вѣрилъ, но теперь почему-то былъ убѣжденъ, что это была вѣдьма и больше ничего.

Перой думалось, не животное ли какое необыкновенное, или не заблудившійся ли ребенокъ, который ищетъ дорогу.

Пятно, сидѣвшее на одномъ мѣстѣ, тронулось и, скачками перейдя средину дороги, пошло плавно и остановилось въ шагахъ тридцати отъ насъ, въ ближайшихъ кустахъ.

— Баринъ, сказалъ Петрушка робкимъ, взволнованнымъ голосомъ, это вѣдьма.

— Что ты, можетъ-ли быть!? сказалъ я какъ-то недо-вѣрчиво.

— Ей Богу, вотъ ей Богу, вѣдьма, забожился Петрушка на всѣ лады.

Рука инстинктивно нажала курокъ ружья, лежавшаго у меня на колѣняхъ.

— Ей Богу это она, бейте ее, а я лошадь подержу, снова началъ онъ свои увѣренія.

Отдавъ ему возжи, я молча слѣзъ съ дрожекъ, приподнялъ ружье и остановился. Пятно оставалось на мѣстѣ и не шевелилось.

— Ну-те, прошепталъ Петрушка.

Я сразу взвелъ оба курка. Щелкъ курковъ, рѣзко раздался въ лѣсной тишинѣ. Но стрѣлять я не рѣшался, боясь чтобы необдуманнымъ выстрѣломъ не подѣлать бѣды.

— Чтожъ вы, баринъ, стрѣляйте поскорѣй!

Голосъ Петрушки вывелъ меня изъ раздумья.

— А какъ это чтонибудь другое, отвѣтилъ я ему тихо.

— Да что-жъ, кромѣ вѣдьмы, въ такую пору по лѣсу бѣгать, сказалъ онъ самоувѣренно, и прибавилъ: ей Богу бейте, а то она еще въ глаза прыгнетъ.

— Кто это сидитъ, спросилъ я громкимъ, но не твердымъ голосомъ. Эхо въ трехъ мѣстахъ повторило вопросъ и снова сдѣлалось тихо; отвѣта не было, а бѣлое пятно оставалось на прежнемъ мѣстѣ.

— Отзовись кто это, а то стрѣлять буду, сказалъ я снова, всматриваясь въ роковое бѣлое пятно, и не успѣло эхо замолкнуть, какъ я быстро, съ какой-то силой, вскинулъ

ружьѣ и, не цѣлясь, выстрѣлилъ въ пятно. Грянулъ выстрѣлъ, блеснулъ огонь, озаривъ на секунду какимъ-то страшнымъ свѣтомъ окружавшія деревья, затѣмъ стало темнѣе прежняго.

Раскаты выстрѣла въ тишинѣ какъ-то особенно казались торжественны и сильны, точно выстрѣлили сразу изъ нѣсколькихъ ружей. Гдѣ-то крикнулъ протяжнымъ голосомъ сытъ, а въ воздухѣ запахло порохомъ.

Я стоялъ пораженный, какъ такъ пятно исчезло.

— Ушла, проклятая, сказалъ Петрушка помолчавъ не много видя, что я стою на одномъ и томъ же мѣстѣ, прибавилъ, поѣдемте баринъ домой.

— Нѣтъ постой. Я пойду въ кусты, посмотрю, — что-же это такое было, сказала я, невольно раскаяваясь въ своемъ поспѣшномъ выстрѣлѣ.

Петрушка началъ меня уговаривать этого не дѣлать, а лучше садиться и ѣхать домой, но я его не слушалъ и направился къ ближайшимъ кустарникамъ. Взойдя въ кусты, которые были хотя и не особенно густы, но въ нихъ было такъ темно, что въ двухъ шагахъ рѣшительно ничего не было видно, я переходилъ отъ куста къ кусту и, шевеля въ нихъ прикладомъ ружья, старался разсмотрѣть что нибудь; но бѣлое загадочное пятно нигдѣ не показывалось.

Сталь ужъ я выходить на дорогу, потерявъ надежду найти что нибудь, какъ изъ ближайшаго куста раздалось какое-то пырканье, повторившееся нѣсколько разъ, а затѣмъ протяжный, заунывный звукъ, похожій на стонъ или на хрипъ въ родѣ му... му... му... и опять все стихло. Я вздрогнулъ и отскочилъ въ сторону; меня непріятно поразило это странное пырканье; какъ ни старался, я не могъ дать себѣ отчета, что это было такое; но ясно было, что неизвѣстное пятно было задѣто выстрѣломъ. Въ душѣ моей зародилось и сожалѣніе, и раскаяніе въ томъ, что я безъ толку погорячился и стрѣлялъ неизвѣстно куда и за чѣмъ.

— Что это такое, слышался испуганный голос Петрушки,—это вѣрно она шипитъ.

— Въ кустахъ есть что-то, но ничего невидно, отвѣтилъ я, стараясь разсмотрѣть чтонибудь. Но вездѣ было темно. Пырсканье повторилось съ какимъ-то жалобнымъ плачемъ.

— Богъ съ нимъ совсѣмъ, поѣдемте, баринъ, домой. Все равно теперь не найдемъ. Лучше завтра пораньше пріѣдемъ и посмотримъ, что тутъ такое, сказалъ Петрушка послѣ того, какъ пырсканье смолкло.

Дѣлать было дѣйствительно нечего. Какъ ни грустно и ни досадно было уѣхать, не разъяснивъ себѣ въ чемъ было дѣло, тѣмъ болѣе, что мы чувствовали, хотя не высказывали другъ другу, что сдѣлали своею горячностью что-то не хорошее, но поправить или загладить эту ошибку не знали чѣмъ.

Кругомъ было темно и мрачно; какъ ни ищи, ничего нельзя было найти, а потому я рѣшилъ возвратиться домой, а завтра утромъ пріѣйти и хорошенько осмотрѣть это мѣсто.

Я подошелъ къ дрожкамъ и, не сказавъ Петрушкѣ ни слова, сѣлъ и тронулъ лошадь. Лошадь, пройдя немного шагомъ, пошла рысью, хотя дорога была такая же плохая, въ колеяхъ. Мы довольно долго ѣхали молча; Петрушка первый прервалъ молчаніе.

— Ну, что это было такое. Вотъ оказія; но вы его зацѣпили, ишь какъ оно жалобно визжало, сказалъ онъ.

— Молчи лучше, завтра узнаешь. Глупо, что мы стрѣляли, вотъ что, отвѣтилъ я сердито, останавливая лошадь, бросившуюся почему-то въ сторону.

— Какъ-же не стрѣлять, когда бѣжитъ Богъ знаетъ что по лѣсу, да еще ночью, сказалъ онъ оправдывающимся голосомъ.

Я не возражалъ; мнѣ было досадно, больно и грустно. Въ головѣ моей начало возникать опасенія, что, можетъ быть, я ранилъ человѣка и онъ страдаетъ въ кустахъ. Я вздрагивалъ и старался разсѣять мрачныя мысли.

Лошадь, почуя близость дома, побѣжала скорѣе, чрезъ десять минутъ мы были уже дома.

Дома я никому не сказалъ о нашемъ случаѣ и Петрушку просилъ сдѣлать тоже, а завтра рѣшилъ пойти на то мѣсто, гдѣ намъ встрѣтилось загадочное пятно и осмотрѣть его хорошенько.

На другой день по утру, вставъ пораньше, когда еще въ домѣ всѣ спали, исключая старой нашей ключницы, которая вставала съ пѣтухами, я отправился въ сопровожденіи Петрушки къ мѣсту нашей катастрофы. Петрушка также интересовался этимъ происшествіемъ и былъ вполнѣ увѣренъ, что намъ встрѣтилась вѣдьма, слѣдъ которой давнымъ давно простылъ. При этомъ онъ признался, что вчера за ужиномъ не утерпѣлъ и сообщилъ о нашей встрѣчѣ старому кузнецу, на что кузнецъ отвѣтилъ: „мудренаго мало“.

Солнце только что взошло и залило багряно-золотистымъ свѣтомъ кустарники и высокія деревья. Каждый листочекъ, сильно смоченный росой, отражалъ яркій свѣтъ восходящаго солнца и блестѣлъ какъ брилліантъ.

Клочковатая, полупрозрачная облака, въ безпорядкѣ нагоняя другъ друга, быстро неслись по ярко-голубому небу.

Цѣлая стая воробьевъ, густо облѣпивъ кудрявый кустъ бузины, росшій около плетня, чирикала отчаяннымъ образомъ, прыгая съ вѣтки на вѣтку.

Крикливяя галки сидѣли чинно въ рядъ на верхушкѣ сухого дерева; голоса ихъ звонко раздавались въ чистомъ утреннемъ воздухѣ.

На полянѣ, подъ самымъ лѣсомъ, ходило стадо сытыхъ, красивыхъ коровъ. Онѣ усердно щипали сочную траву и звенѣли швейцарскими колокольчиками, висѣвшими у нихъ на шеяхъ.

— Куда это вы, баринъ, такъ рано? спросилъ удивленно пастухъ, выходя къ намъ на дорогу.

— Да такъ, пройтись захотѣлось, отвѣтилъ я ему, скрывъ настоящую причину прогулки.

— Зорькой пройтись захотѣлось, вотъ и все, добавилъ Петрушка.

— Ну, съ Богомъ вамъ... сказалъ пастухъ и побѣжалъ загонять рябую корову, которая отошла далеко отъ стада.

При входѣ въ лѣсъ, насъ обдало чуднымъ лѣснымъ воздухомъ и утренней прохладой.

— Вотъ она та самая ромашка растетъ, гдѣ намъ вѣдьма повстрѣчалась, сказалъ Петрушка, когда мы подошли къ тому мѣсту, гдѣ останавливались вчера.

— Да, правда, вотъ въ этихъ кустахъ мычало и хрипѣло, замѣтилъ я и поскорѣе направился къ кустамъ.

— Пойдемте, посмотримъ хорошенько; вотъ какъ купую вѣдьму за хвостъ вытащимъ. Ха ха ха засмѣялся Петрушка.

Мы взопли въ кустарники и начали подробно осматривать, каждый листочекъ, каждый корешокъ; все было хорошо видно, но ни бѣлаго пятна или какихъ нибудь признаковъ его нигдѣ не замѣчалось.

— Я вотъ вамъ говорилъ, по моему и вышло. Вѣдьма была. Теперъ ея и слѣдъ простылъ. Вотъ подстрѣлить вы ея не подстрѣлили. Со злости, должно, въ кустахъ визжала, больше ничего, сказалъ Петрушка самодовольно, вполне увѣренный въ своемъ предположеніи и, не желая больше искать, вышелъ изъ кустовъ.

— Постой! надо хорошенько посмотреть. Ты пойдѣ, да вонъ въ тѣхъ кустахъ поищи, сказалъ я, указывая ему рукой направленіе.

— Пойти-то пойду, только съ этого ничего не будетъ, пробормоталъ онъ, и направился по указанному направленію.

Въ лѣсу было хорошо. Воздухъ былъ чистъ и прохладенъ. Всѣ кустарники, смоченные обильной росой, съ шумомъ сбрасывали, въ видѣ дождя, чистыя капли росы, когда мы, низко наклоняясь подъ вѣтками, толкали ихъ. По всему

лѣсу были разбросаны яркія солнечныя пятна, прорывавшіяся чрезъ густыя верхушки высокихъ деревьевъ.

Кругомъ пѣли всевозможныя птицы. Изъ-подъ корня одного большого кустарника съ шумомъ вылетѣлъ черный дроздъ и громко защелкалъ, скрывшись въ гущинѣ.

Вдругъ по лѣсу раздался звонкій и веселый смѣхъ Петрушки.

— Чего ты смѣешься? спросилъ я его, обращаясь въ ту сторону, гдѣ онъ ходилъ по кустамъ.

Я увидѣлъ его вблизи одного большого куста. Согнувшись впередъ и опершись руками на колѣни, онъ стоялъ и заливался самымъ добродушнымъ смѣхомъ.

— Слушай, чего ты смѣешься? спросилъ я снова.

— Вотъ такъ вѣдьму мы убили, едва онъ могъ вымолвить и снова залился смѣхомъ.

— Да ну-же право, говори, что такое? крикнулъ я ему сердито.

— Пожалуйста, посмотрите, какую вы вѣдьму застрѣлили.

— Гдѣ нашелъ, гдѣ, что?! вскрикнулъ я, догадываясь, что онъ что-то нашелъ, и побѣждалъ къ нему.

Не успѣлъ я сдѣлать и нѣсколько шаговъ, какъ онъ смѣющимся голосомъ крикнулъ мнѣ: кота-съ бѣлаго застрѣлили, вмѣсто вѣдьмы вотъ такъ такъ! и захохоталъ снова.

Сознаюсь, это извѣстіе, при всей своей простотѣ и вѣроятности, такъ меня поразило и опѣшило, что, остановясь на мѣстѣ, я не зналъ, что сказать. Такого извѣстія я никакъ не ожидалъ.

Предполагая въ этомъ пятнѣ различныхъ звѣрей, человека, и даже вѣдьму, но кота, обыкновеннаго кота, я никакъ не ожидалъ встрѣтить. Мнѣ было совѣстно, досадно на самого себя. Подойдя къ кусту, возлѣ котораго стоялъ Петрушка, я дѣйствительно подъ корнемъ увидѣлъ большого, бѣлаго, красиваго кота, безъ всякихъ признаковъ жизни. Вытянувъ лапы, онъ лежалъ неподвижно.

У РУЧЕЙКА.

— Бѣдное, бѣдное животное, подумаль я, и слезы на-
вернулись на моихъ глазахъ.

— Эхъ котикъ, котикъ, въ землянку, видно, пробирался,
а тутъ тебя припечатали, замѣтилъ Петрушка; его веселое
замѣчаніе, мнѣ было непріятно.

Мнѣ было жаль бѣднаго кота; за что, по какому праву
прекратилъ я его жизнь, думаль я, стоя предъ нимъ.

Я негодовалъ на себя, чуть не рвалъ волосы, и не могъ
себѣ простить этого необдуманнаго поступка.

Теперь только для меня стало ясно, что другого бѣлаго
ничего и быть не могло въ лѣсу, кромѣ бѣлаго кота.

И въ самомъ дѣлѣ, что могло быть другое? заяцъ лѣтомъ
бываетъ сѣрый, бѣлка — красноватая, кроликъ никогда въ
лѣсѣ не пойдетъ, — онъ дальше своего дома не ходитъ; на-
конецъ, другого какого нибудь бѣлаго животного въ нашихъ
лѣсахъ нѣтъ, остается одно мѣсто для бѣлаго кота.

Стоило только подумать, не горячиться, и бѣдное живот-
ное осталось бы цѣло. Такъ нѣтъ-же, молодое, охотничье,
неопытное воображеніе подсказывало Богъ знаетъ что и до-
вело до необдуманнаго выстрѣла.

— Пойдемъ Петрушка отсюда; глупо мы съ тобой по-
ступили вчера, сказалъ я отрывисто, и вышелъ изъ кустовъ
на дорогу.

— Да кто-жъ его зналъ, что это котъ; кабы знали, не
трогали. И угораздило-же его въ этакое время по лѣсу хо-
дить, отвѣтилъ Петрушка пристыженнымъ голосомъ, и по-
шелъ за мной. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ добавилъ: я
безпремѣнно думаль, что вѣдьма, анъ вонъ котъ оказался,
чудно право.

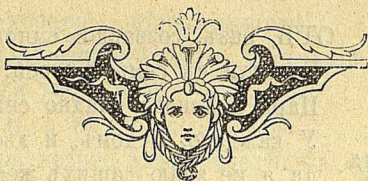
Я не возражалъ, и до самого дома мы шли молча. Прийдя
домой, я съ грустью всѣмъ разсказаль наше происшествіе;
всѣ долго смѣялись, жалѣли кота, упрекали меня горячностью
и несообразительностью; подбирали мнѣ самыя нелестныя
названія въ родѣ кошачьяго охотника и многихъ другихъ, въ
этомъ-же родѣ. Я страдалъ, гореваль, переносилъ все воз-

можныя огорченія, но оправдываться было нечѣмъ, и я молчалъ.

Въ душѣ я далъ себѣ слово, въ будущемъ быть осторожнѣе, осмотрительнѣе, не стрѣлять наобумъ, неизвѣстно куда, и сдѣлаться болѣе покойнымъ охотникомъ.

Николай Кувшинниковъ.

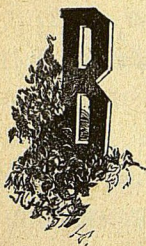

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА.

(Народная сказка).

ПРОДОЛЖЕНИЕ.

ОТЪ, разъ, созавши сыновей,
Бесѣдую съ семьей своей,
Царь молвилъ: „ладно снаряжёнъ
У каждаго, и домъ, и дворъ!..
Да я не знаю вашихъ женъ!
Въ хозяйствѣ главное — надзоръ,
И сила въ домѣ вся — хозяйка!..
Такъ слушайте-жъ меня! пускай-ка
Мнѣ ваши жены, въ добрый часъ,
Свое покажутъ рукодѣлье!..
Каковъ-то хлѣбъ пекутъ у васъ?
Пусть каждая свое издѣлье
Мнѣ завтра принесетъ отвѣдать —
Я буду съ хлѣбомъ тѣмъ обѣдать!“
Два старшихъ сына поспѣшаютъ,
Чтобъ рассказать скорѣй женѣ:
„Не сомнѣвайся ты во мнѣ!..
Спеку ужъ!..“ жены утѣшаютъ.
Лишь младшій братъ, придя домой,
Едва не плачетъ: „Боже мой!..
Что буду дѣлать я бѣднякъ?“
Жена-жъ его: „квакъ-квакъ!..
Не безпокойся, спать ложись,
Во всемъ на Бога положились:

Съумѣю хлѣбъ и я испечь!“
И живо вспрыгнувши на печь,
Распоряжается хитро:
Копаетъ ямку, и ведро
Воды въ нее горячей лъетъ,
Въ куски стекло и камни бьетъ;
Потомъ туда-жъ весь соръ свалила,
Пескомъ съ золою призолила,
И, размѣшавши палкой длинной,
Замазала все сверху глиной.

* * *

Назавтра, въ полдень, царь-отецъ
Зоветъ обѣдать во дворецъ
Князей, вельможъ и всѣхъ бояръ:
„Вотъ, посмотрите!... Божій даръ!...
Мнѣ и царицѣ на потребу
Невѣстки испекли по хлѣбу;
Чей лучше, ту и отдарю...
Чѣмъ хочеть!... вѣрно говорю!“
Довольны старшій братъ и средній—
Печенья женъ отецъ отвѣдалъ,
Хвалилъ и плотно пообѣдалъ.
„Теперь несите хлѣбъ послѣдній!“
„Сейчасъ-сейчасъ“... чуть увидаль:
„Вотъ, лакомый“, кричитъ, „кусочъ!“
А лишь скусилъ одинъ глотокъ:
„Такого въ жизни не ѣдалъ!..
Подобнаго, пройди весь свѣтъ,
И не было нигдѣ, и нѣтъ!
Благодарю!.. благодарю!..
Скажи женѣ, что отдарю,
Чѣмъ хочеть!.. лишь-бы не-сверхъ-силъ!..
Ея подарокъ всѣхъ дороже!“
Бояре всѣ сказали то же;
Лишь старшій братъ глаза скосилъ,
Да средній побѣлѣлъ отъ злости,
Когда ура кричали гости.
Узнавъ про царскія слова,
Невѣстки старшія едва
Умомъ не тронулися обѣ—

Какъ змѣи, зашипѣли въ злобѣ;
 И вотъ придумала одна
 Споровить дѣльце похитрѣй,
 И шлетъ развѣдать поскорѣй,
 Какъ хлѣбъ Иванушки жена,
 На диво міру, испекла:
 „Да какъ?.. и щепокъ, и стекла,
 И камней въ ямку навалила,
 Пескомъ съ золою присолила,
 И, размѣшавши палкой длинной,
 Замазала все сверху глиной“ —
 „И только?“ — „Только“ былъ отвѣтъ,
 „Да врете вы!..“ — „Ей-ей-же, нѣтъ!..“ —
 „Ну, коль случится что опять,
 Мы также будемъ поступать!“

* * *

Межъ тѣмъ за днями дни летѣли.
 Невѣстки старшія, съобща,
 Поправить дѣло захотѣли,
 И день, и ночь, мужьямъ треща:
 „Пусть каждая изъ насъ, на споръ,
 Сработаетъ царю коверъ;
 Посмотримъ, какъ соткетъ она,
 Ивана мудрая жена,
 А мы-бъ ужъ рукъ не пожалѣли!..“ —
 „Ну, ладно!..“ сыновья успѣли
 Отцу въ веселый часъ сказать,
 И онъ изволилъ приказать,
 Чтобъ каждая изъ нихъ царицѣ
 Въ опочивальню иль ему
 Коверъ соткала самому:
 „За трудъ—я отдарю сторицей!“
 Чуть вышелъ отъ царя приказъ,
 Невѣстки, не смыкая глазъ,
 Не досыпаючи ночей,
 Не доѣдаючи куса,
 Работаютъ, созвавъ ткачей.
 Со стороны смотрѣть—тоска!..
 Потъ градомъ такъ и льется съ нихъ!..
 Не кончивши работъ своихъ,

Бѣгутъ, подсматриваютъ въ шелку
Какъ ткеть Иванушки жена:
Глядятъ—не вѣрятъ!.. вотъ она,
Купивши бархату и шелку,
Все рѣжетъ въ мелкіе куски;
Потомъ, собравши лоскутки,
Взяла и вымела за дверь:
„Ну, коврикъ нашъ готовъ теперь!
Ступай, мой милый, спать ложись,
Во всемъ на Бога положиись!..
Получишь благодарность ту-же!“
Заботится она о мужѣ.

* * *

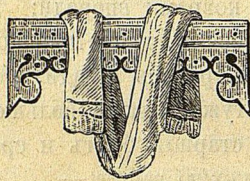
Ударилъ часъ, пришла пора —
Готовы разомъ три ковра;
И царь немедля шлетъ гонцовъ —
Собрать ткачихъ со всѣхъ концовъ;
Зоветь бояръ онъ и князей —
Похвастать выдумкой своей;
Биткомъ набита вся палата...
Вдругъ—двери настежь!.. оба брата
Идутъ съ коврами впереди,
Иванъ-царевичъ, какъ меньшей,
Стыдяся и прячася позади,
Несетъ натужась тую большую.
Довольны старшій братъ и средній:
Избыли тяжкую заботу —
Царь хвалить женнину работу.
„Давайте-ка коверъ послѣдній!..“ —
„Сейчасъ-сейчасъ!...“ и вотъ, едва
Иванъ досталъ и развернулъ —
Царь такъ и ахнулъ, чуть взглянулъ:
„Ай-да коверъ!.. тебѣ-бъ сперва
Свое издѣлье показать —
Ни описать, ни рассказать!..
Неужто вышить онъ руками?“
Всѣ смотрятъ—золотомъ, шелками,
По полю бѣлому, какъ снѣгъ,
Цвѣты и листья, всѣ въ лучахъ,
Блистаютъ радугой въ очахъ;

Узоры хитрые, въ разбѣгъ,
 Пршиты крупнымъ жемчугомъ;
 И красная кайма кругомъ
 Вся такъ и блещетъ, и горитъ!..
 „Благодарю!.. благодарю!..
 Царь въ восхищеньи говоритъ,
 „Скажи женѣ, что отдарю!..
 Чѣмъ хочеть!.. лишь-бы не сверхъ-силъ!..
 Ея подарокъ всѣхъ дороже!“
 Бояре всѣ сказали то-же;
 Лишь старшій братъ глаза скосилъ,
 Да средній побѣлѣлъ отъ злости,
 Когда ура кричали гости.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

А. Лукьяновскій.

Редакторъ-издательница **Т. ПАСЕКЪ.**

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 сентября 1881 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.